

Валентин Вишняков

Подумаешь , попал

3



историческая фантастика

16+

Валентин Георгиевич Вишняков

Подумаешь, попал. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63947956

SelfPub; 2021

Аннотация

Переломным 1943 год был не только для хода войны, но и для главного героя, впрочем героями являлись все те, кто, не смотря ни на что, сражались за свою родину, и, если требовалось, жертвовали своей жизнью, спасая других. Третья книга больше о них: рядовых, сержантов, в общем, простых солдат, которые своими делами и поступками приближали победу в этой тяжёлой войне. "Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации". Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Валентин Вишняков

Подумаешь, попал. Книга 3

Пролог

Вот наконец и тишина. В лесу темнота особенно ощущалась сильнее не идти, а тем более бежать не было возможности, того и гляди столкнешься с деревом, а то и споткнешься об его корни, так и ноги недолго переломать. Человек тяжело дышал присев прислонившись к дереву. После долгой пробежки когда они углубились в лес, то потеряли друг друга, и вот он совершенно вымотанный остался один. Наконец отдышавшись, прислушался. Лая собак не было слышно, а ведь совсем недавно их залиvistые голоса гнали их без передышки по лесной чаще становясь все ближе и ближе. Но видно и собаки и люди преследовавшие их тоже исчерпали свои силы. Неужели все таки оторвались, видно ушел не только он, но и Сенька Рыжиков, ведь не было слышно не перестрелки, не взрывов гранат, значит ушел, если конечно не догнала пуля. Только где он теперь, как его найти.

Какой то неясный звук раздавшийся в темноте, насторожил человека, и он затаив дыхание прислушался. Нет он не ошибся, звуки повторились. Хруст ветки, неясное бормотание, пробираясь через кусты кто то двигался в его сторону. Человек стараясь как можно тише передернул затвор автомата. Но, видно все – же щелчок метала об метал был услы-

шан идущим и тот замер. Наступила тишина. Решившись, притаившийся за деревом человек, трижды ухнул по совинному. В ответ раздалось одиночное уханье, а потом негромкий голос спросил.

– Кривой, ты что ли?

– Сколько раз можно повторять Рыжиков, не Кривой, а младший сержант Кривошеев, – поправил спросившего человек с автоматом выходя из-за дерева.

Тот, кого назвали Рыжиковым, двинулся на его голос и вскоре они обнялись.

– Нет все же Леонид, какого черта, ты поперся в служить в разведку? – Чем плох был наш мотострелковый батальон?

– Романтики захотелось, да что бы сестрички из санбата, приветливей на нас смотрели, – ответил Леонид.

– Врешь ты все, Кривой, романтика, сестрички!

– Выслужиться хочешь, мало тебе одного ордена на груди, еще подавай. – На гражданке, хочешь завязать с воровской жизнью, перед властью обеленным быть. – Только не выйдет дружок, не отпустит тебя раз выбранная дорожка, вновь на кривой путь приведет.

– Может ты и прав Рыжий, но попробовать то можно, брату обещал, а ты знаешь, мое слово кремень.

– Ну, и воевали бы в пехоте, а не шастали бы по лесам прячась от немцев, – упрекнул его Рыжиков.

– А я тебя вслед за собой в разведроту не звал. – Сам пошел, когда предложили! – оборвал его Кривой.

– Но, но, ты в этом виноват, первым вызвался, а я так за компанию, по привычке, куда ты туда и я. – Ты из лагеря на фронт, я за тобой. – Ты десантником на танк и я туда же. – Ты в разведку, и я следом, как лисий хвост. – Только я вот не знал, что на куске какой то тряпке, словно семя одуванчика, с неба на землю придется опускаться. – Романтика блин.

– А чего ты ждал, что в разведке, только на пузе, через линию фронта, ползать придется, не на парашюте, даже удобней и быстрее. – Да и в разведку ты Рыжиков пошел, не из-за меня, а из-за фельдшерицы Людочки, что тебе фейс подправила. – Что запала в душу девка? – А, как узнал, что она по лейтенанту из разведроты сохнет, так и сам в нее напросился, решив, что именно это привлекает в нем девуку.

Рыжиков промолчал.

– Ладно отдышались, пошли наших искать, только тише ступай, а то ломишься, как медведь, за километр слышать, того и гляди на немцев нарвемся, – сказал младший сержант, определяясь в какую сторону идти.

Глава первая

В начале октября меня вызвали в Москву в верховную ставку. Меня это слегка напрягло, и всю дорогу я не переставал гадать, для чего понадобился верховному главнокомандованию. С собой я только взял ординарца, оставив вместо себя на корпусе генерал майора Вяземцева. Артур Николаевич вместе с Афанасием Петровичем Телепиным проводили меня до самого самолета. Мой зам по тылу, очень хотел

лететь со мной, но корпус пополнялся людьми и техникой и потому нуждался в обеспечении всевозможными запасами, начиная с продуктов и кончая обыкновенными портянками, о боеприпасах и горюче смазочных материалах я вообще молчу, их нам как подразделению находящемся в резерве выдавали вообще мизер. Потому у Телепина забот был полон рот. Перелет был с двумя посадками, одна была запланирована для дозаправки, другая была вызвана непогодой и мне пришлось проторчать несколько часов, на полу заброшенном тыловом аэродроме, на котором мое появление вызвало целый ажиотаж. Меня приняли за представителя ставки и престарелый капитан комендант аэродрома, носился со мной как нянька пытаюсь предугадать все мои желания, выделив мне для отдыха свою комнату, и повыскребая все свои зачатки в виде дефицитных продуктов, чтобы не ударить в грязь лицом во время предложенного мне обеда. Дождь с грозой продолжался в течении нескольких часов и я начал опасаться, что мне придется задержаться в этом захолустье еще на сутки, ожидая когда просохнет взлетная полоса. Но пилот осмотрев её пришел к выводу, что взлет возможен и я решил рискнуть, тем более, что приближался, еще один грозовой фронт. На подмосковном аэродроме меня ждала машина, кроме водителя в ней был еще капитан НКВД, отдав честь он открыл передо мной дверь эмки, я по быстрому сел в нее, с другой стороны упаковав чемоданы в багажник сел мой ординарец. Примостившись рядом с водителем капитан

обернувшись сообщил.

– Приказано доставить прямо к нему.

К кому именно я не стал уточнять, поскольку понял к кому именно, про меня снова вспомнили. Машина, миновав ряд ангаров выскочила на дорогу ведущую в город, начавшейся морозящий дождь, перешёл в ливень. Осень брала свое.

Я стоял перед огромной картой занимавшей, почти полностью одну из стен кабинета Верховного, и думал о том, что мои выкрутасы, с молниеносными атаками все таки довели меня до цигундера. Все таки прав оказался тот капитан комендант тылового аэродрома, приняв меня за представителя ставки. В итоге я им и оказался. И так я стоял и рассматривал карту, боевых действий Волховского фронта за спиной стоял Сталин с неизменной трубкой, а рядом за столом сидел генерал армии Мерецков.

– Вот Кирилл Афанасьевич послушаем, что нам скажет наш молодой товарищ. – Что еще можно сделать, для окончательного прорыва Ленинградской блокады. Сталин поднес ко рту трубку и затянулся. Потом выпустив дым, снова прищурившись посмотрел на меня ожидая ответа. А я не знал его, но сказать что то было необходимо. И я осторожно начал. – Для того, что бы дать какой либо совет, мне необходимо знать, точное положение на Ленинградском и Волховском фронтах. – Одно однозначно могу сказать, что из-за определенной местности, как то болот и Синявинских высот

использование крупных танковых частей в ходе наступательной операции невозможно.

Я посмотрел на Сталина. Тот вновь пыхнул трубкой, и в этот раз посмотрел на Мерецкова. Тот не поднимаясь со стула, сказал.

– Виталий Викторович, все это нам с Верховным главнокомандующим известно и так, мы хотим услышать ваше мнение, о предстоящем наступлении моего фронта, которое было разработано, генеральным штабом. Я обернувшись посмотрел на Кирилла Афанасьевича и сказал. Я совершенно согласен с мнением ставке, что на данный момент, полномасштабное наступление из-за нехватки сил и начавшейся распутицы невозможно. – Нужно подождать, когда, хоть немного подмерзнет, и накопятся резервы. – В конце концов, я в первую очередь танкист и привык в своих операциях использовать танковые атаки, здесь же главную роль играет пехота, которую должна поддержать авиация и артиллерия. Сталин вновь оторвав трубку от рта произнес.

– Вот вы товарищ Кропоткин говорите, что прежде всего танкист. – Тогда скажите мне, сколько танков было у вас, когда, ваш батальон удерживал немцев, на одном из направлений их удара на Москву. – А потом отбив все атаки, сами перешли в наступление, отбросив врага, на десятки километров.

– Не одного, признался я опустив голову.

– Вот видите, товарищ Кропоткин не одного. – А к че-

му привело сентябрьское наступление, Волховского фронта. Сталин снова посмотрел на Мерецкова, и сам же ответил.

– Почти не к чему! – Мне тут рапортуют, отбили одну высоту, а немецкая артиллерия, как обстреливала дорогу по которой идет снабжение Ленинграда продуктами и прочими необходимыми вещами, так и обстреливает.

Я снова посмотрел на карту, да преткновением всему были выгодные позиции занимаемые немецкими войсками. Кроме того немцы все еще умели воевать и не смотря на то, что в войне уже наступил перелом и все это чувствовали враг еще был силен. Но, я все же начал говорить.

– Тут товарищ Сталин было сказано, что на данный момент у нас нет необходимых средств и резервов, для дальнейшего наступления Волховского и Ленинградских фронтов и требуется время для того, чтобы накопить силы, для следующего удара, тем не менее мне был задан вопрос, что можно сделать на данный момент для окончательного снятия блокады Ленинграда. – Прежде всего, необходима знать положение врага, точное расположение частей и их численность, уверен немцы так же испытывают нехватку сил и средств, для того, чтобы усилить оборону своего фронта и вряд ли им удастся пополнить свои вои войска, поскольку они, точно как и мы бросаем все силы на юга – западное направление, а именно на Украину, где немцы терпят одно поражение за другим.

– Это и так ясно прервал меня Сталин, я вижу, что для

того чтобы конкретно предложить, нам какие действия нужны сейчас, вам необходимо тщательно изучить обстановку на Ленинградском направлении. – Что – же, мы дадим вам возможность, товарищ Кропоткин изучить её на месте. – Вы направляетесь на Волховский фронт, в качестве представителя ставки, но помните у нас не так много времени. – Каждый день в Ленинграде, от недоедания, продолжают умирать люди, и хотя снабжение провизией города улучшилось, общее истощение населения сказывается до сих пор. – А Киев, есть кому освободить, славой нужно делиться, – сказав это Сталин улыбнулся. Вероятно ему было известно, о том с какой поспешностью я пополняю свой корпус людьми и техникой. – Завтра вылетаете вместе с товарищем Мерецковым. – Кирилл Афанасьевич уточните нашему молодому герою, когда вылетает ваш самолет.

– Слушаюсь товарищ главнокомандующий, – Мерецков поднялся со стула.

Мы оба вышли из кабинета. В приемной ко мне подошел, генерал Власик и вручил мне предписание о моем новом назначении.

– Машина которая вас доставила сюда в вашем полном распоряжении, добавил адъютант Сталина. – Мне необходимо связаться со штабом своего корпуса, сказал я. – Нужно отдать кое какие распоряжения. – Пройдемте со мной, – Власик указал на одну из дверей ведущих из приемной.

– Вы не будьте против, если я для необходимости вызову к

себе группу людей? – обратился я к Мерецкову. Тот кивнул, и сказал, что подождет меня в приемной.

Уладив все свои дела, в генеральном штабе и уточнив у Мерецкого время вылета, я сел в ожидавшую меня машину.

– Вы домой, или желаете от ужинать в ресторане, решил уточнить капитан, который придавался мне вместе с водителем и машиной.

Я задумался. Перекусить действительно было нужно, как и то, что сперва все таки надо было побывать дома, увидеть Женьку, Телепиных. Сестренку, а Женьку я считал таковой, для того, чтобы передать письмо от Ивана Бровкина, и сделать ей втык за поспешное замужество. Нет, я ничего не имел против новоявленного родственника, Иван парень не плохой, но шла война и он в любой момент мог погибнуть, а зная Женькину натуру, я представлял, какой бы это удар был для неё. Самому Бровкину, я все таки устроил головомойку, даже чуть не перейдя к мелкой мести. Отстранив его от командования бригадой. Я и сам не знал, почему то что сообщил мне Иван меня так разозлило. Ведь женись Бровкин на другой какой либо девчонки, я был бы только рад за него.

Иван, понял мое негодование и полученную взбучку по своему, и когда первая волна моего праведного гнева прошла. Он наконец то вставил слово.

– Товарищ генерал лейтенант вы не думайте, у меня к вашей сестре чувства серьезные, я когда первый раз её увидел, сразу влюбился, и даже еще не знал, что она ваша сестра. –

Так, что не каких мыслей о том, что став вашим родственником, я буду продвигаться по службе и получу другие выгоды у меня не было.

– Что?

Я, расвирепел еще больше, тогда чуть и не снял Бровкина с бригады. Стараясь объяснить, почему я так вспылал, сейчас мол не время для женитьбы, все таки война, а вдов и так на Руси хватает, получалось, я начал оправдываться, а потому взяв себя в руки, позвал ординарца. Закончился вечер, застольем. Ох и нажрался я, стараясь перепить Вяземского. Потом сидя за столом, то чуть ли не душил Бровкина в дружеских объятиях, то угрожал ему, что если он будет обижать Женьку, поколочу если не пристрелю. Тот заплетающимся языком, заверял меня, что никогда и не за что не тронет мою сестру даже пальцем. Услышав это, в наш разговор встрял Вяземский.

– Баб надо трогать и не только пальцами, – заверительно сказал он.

– Мою жену бабой назвать, – возмущенный Бровкин накинулся на моего заместителя. Его оттащили и увели спать Толбухин с Телепиным.

– Чего это он, – ничуть не обидевшись, удивлено спросил Артур Николаевич.

– Забудь, – сказал я наливая стаканы. – Давай лучше выпьем за молодых, а ведь хорошая пара получилась.

– Хорошая, – подтвердил Вяземский опрокидывая содер-

жимое стакана в свою луженую глотку. – Только вот я твоей сестры не разу не видел, а хотелось бы.

– Ну, ты кабелина, даже не думай, – я погрозил Вяземскому пальцем. – Лучше мужа чем Иван, Женьки не сыскать.

– Да я не о том, – начал оправдываться Артур.

– Бровкин парень отличный. – Только за, что ты так его ругал, так что всему штабу было слышно.

– А так, чтоб служба медом не казалась, – ответил я размышляя, выпить еще сто грамм или нет.

– У нас и так служба медом не намазана, – возразил Вяземский. – Так, что Викторovich, ты не очень то Бровкина ругай. – А то, как увидел я его после твоего разноса, жалко парня стало. – Стоит перед тобой не жив, не мертв.

– Да не буду я его больше трогать, – заверил я Артура Николаевича. – Солдат ребенка не обидит.

– Это верно, за это надо выпить, – Вяземский потянулся за непочатой бутылкой водки.

– А давай, – согласился я.

На утро меня мутило, и проклинал, тот миг когда согласился выпить еще. Вновь разболелась, не так давно зажившая рука. И уже я получал разнос от Ксении Михайловны, нашей заведующей госпиталем. Откуда только узнала про наш мальчишник, вероятно Телепин проболтался. У Афанасия Петровича с нашей докторшей завелись какие то шуры – муры, правда они это тщательно скрывали. Но, разве что можно скрыть, в армии когда все и вся на виду.

Вспоминая об этом, я поднимался по лестнице к своей квартире, следом тащил чемоданы с вещами и гостинцами ординарец. А вот и знакомая дверь. Я порылся в кармане, ища заранее приготовленный ключ. Но дверь распахнулась сама. Сюрприза не получилась. Перед домной стояла самая прекрасная девушка, из всех которых я когда то видел. Ксения, как она похорошела, за те полгода, когда я её видел последний раз, это была уже не та худенькая несмышленная девчонка, а уже вполне сформировавшаяся молодая женщина. Как сообщал мне Телепин в этом году закончившая школу и поступившая в институт. Девушка едва не столкнувшись со мной, покраснела и произнесла. – Здравствуйте Виталий Викторович, а я вас в окно увидела. Я стоял, как вкопанный в дверях пытаюсь понять, что сейчас было. Выйдя из машины я подняв голову первым, делом посмотрел на окна второго этажа, и видел, что окна моей квартиры выходящие во двор были плотно зашторены. Светомаскировку, хотя фронт и откатился от Москвы на сотни километров еще никто не отменял, а на улицы города уже опустились сумерки.

– Настюха, кто там, послышался голос Сергея, – и в коридоре показался сам парнишка. Увидев его в гражданской одежде, я его сразу и не узнал, привык видеть перед собой невысокого солдата, рыжий чуб которого все время выбивался из под пилотки.

– Ура дядя Витя приехал, – паренек бросился ко мне. В дверях началось столпотворение. Позади меня на площадке,

топтался Михаил мой ординарец, поставив, тяжелые чемоданы, он терпеливо ждал когда улягутся бурные проявления от радости встречи.

– Может я все таки войду произнес я освобождаясь от объятий восторженного парнишки.

– Вы за мной приехали? – убеждено спросил Сергей пропуская меня в коридор, Настя уже скрылась у себя в комнате. – Дядя Ваня обещал мне, что как только я сдам экзамены за восьмой класс, меня тот час же снова заберут на фронт. – Так вот, я сдал их и меня даже перевели в девятый класс, только к чему мне это, когда идет война.

– Учится надо, иначе в военное училище не возьмут, – попробовал я найти аргумент, поняв под каким предлогом, Бровкин умудрился оставить пацана в Москве.

Но, тут Сергей меня подловил. – У дяди Вани Толбухина, образование пять классов, а он и танковое училище закончил и звание майора получил и бригадой командует.

Вот стервец и откуда, про пять классов узнал, вероятно сам Толбухин и проболтался, накажу таежника за его длинный язык. Я направился в свою комнату, не отвечая Сергею. Тот вероятно поняв, что дело не чистое сказал.

– Я все ровно на фронт сбегу, меня в любую часть возьмут, тем более у меня и солдатская книжка есть, и звание и награда имеется.

Тут Телепин младший был прав, насколько я помнил он сперва, был приписан к технической роте капитана Ермоло-

ва, и в солдатской книжке даже имелась запись моторист такого то класса, в технике Сергей разбирался, башковитый хлопец хоть и шалопай.

– Я все ровно школу бросил, завтра же в военкомат пойду.

– Уши надеру щегол! – уже из комнаты бросил я показывая Михаилу куда поставить чемоданы.

– Не примут в военкомате, все равно сбегу, – упрямо повторил хлопец.

Ну, что ты с ним поделаешь, ведь сделает все по своему, ему даже генерал не указ, тем боле, что опыт попасть на фронт у Сереги уже имелся.

– Черт с тобой, завтра поедешь со мной. – Форма то еще осталась?

– В шкафу висит! – раздался радостный вопль паренька. Но тут вмешалась появившаяся Настя, девушка оказывается принаряжалась, с чего бы это.

– Куда его! – Ему только – только пятнадцать исполнилось, учиться надо!

– Не переживай, Настенька, пускай лучше при мне побудет, не возьму с собой, все равно сбежит.

– Сбежит, – согласилась девушка.

– Вы мне лучше скажите, где Женька? – Почему не вижу среди встречающей делегации.

– Ой, я же обещал её встретить, спохватился Сергей.

– Она должна была после учебы, заскочить в спец магазин, отоварить карточки, тут рядом, – добавила Настя.

– Сам встречу, – сказал я застегивая китель который одел вместо парадного мундира.

– Михаил за мной.

Предчувствия меня не обманули, как только мы спустились во двор со стороны улицы раздался женский вскрик. Я выругался и выхватив из кармана кителя трофейный вальтер бросился в сгущающуюся темноту. Как оказалось, опасения мои были не напрасны. Очевидно вляпываться в всевозможные истории у нас было семейной традицией. Женька, а это была она стояла в проходной арке прислонившись спиной к стене, двое субъектов стояли рядом, у одного у него в свете фонарика прихваченного Михаилом сверкнул нож.

– А нука, оставьте девушку в покое! – выкрикнул я прицелившись в того, что с ножом.

– А то, что? – грабитель не оборачиваясь в мою сторону кинулся к Женьке.

Я выстрелил мужчина сделав еще шаг, согнувшись рухнул к её ногам. Раздался еще один выстрел. В этот раз в меня с моей головы снесло фуражку, я даже почувствовал, как пуля ожгла мне лоб опалив волосы. Выстрелить в ответ, я не успел. Меня опередил ординарец всадив две пули подряд в стрелявшего. Второй бандит с наганом в рукав пошатнувшись упал на мостовую. Снова закричала Женька. Я бросился к ней, чтобы успокоить. Послышались милицейские свистки, донесся приближающийся цокот копыт. И вскоре под арку въехало двое всадников в милицейской

форме, вслед за ними прибежал военный патруль. На нас направили карабины. Старший патруля молодой лейтенант скомандовал.

– Бросить оружие! – Предъявить документы!

Я опустил, вальтер, и левой рукой полез в нагрудный карман кителя. Удостоверения в нем не оказалось.

– Дома забыл, – виновато сказал я, чистую правду все документы остались в парадном мундире, который я одел идя на прием к Сталину.

– Разберемся! У меня, как и у ординарца отобрали пистолеты.

– Вам придется пройти с нами, товарищ генерал лейтенант, – с сомнением в голосе проговорил старший патруля светя на меня фонариком. Сомнение у него вызывала генеральская форма одетая на столь молодом человеке. Я бы и сам засомневался на его месте, мундир то каждый может на себя натянуть, а вот отсутствие документов, это уже в двойне подозрительно. И хотя у моего ординарца и сестры были при себе документы, но у первого не было с собой предписания о том, что он командирован со мной, а значит возможный дезертир, а у сестры были уже новые документы на фамилию Бровкина. Пришлось пройти под конвоем в отделение. Там дотошный старший лейтенант сразу взял нас в оборот, перед ним были убийцы причем с не совсем чистыми документами. А я все не как не мог вспомнить фамилию того капитана, который помогал мне уладить вопрос с квартирой. На мою

просьбу пройти со мной в квартиру и там посмотреть мои документы, старший лейтенант не как не отреагировал. Это начинало злить меня, хорошо еще, что не били, видно все же были какие то сомнения, а вдруг мы не какая не банда и говорим правду.

– Позвоните генерал лейтенанту Крапивину из центрального аппарата НКВД потребовал я.

– Может и самому товарищу Сталину позвонить спросил усмехаясь старлей, осматривая мой вальтер.

– А что это мысль, я можно сказать только что от него, – на полном серьезе сказал я. Это предложение вывело оперуполномоченного из себя он встал со стула и заходил по комнате, было видно, как от желания ударить меня у него чешутся кулаки, но он сдержался. Честь ему и хвала. Он явно чего то ждал. И вскоре стало понятно чего. В кабинет вошли два офицера НКВД и я даже не знал к добру это или к худшему, на своем опыте я знал, что эти ребята церемониться не будут.

– Где у вас тут ряженные спросил самый старший из них с погонами капитана. Я же решил перейти в наступление. И поднявшись со стула представился.

– Представитель ставки Верховного Главнокомандования генерал лейтенант Кропоткин Виталий Викторович, с кем имею дело? Мое представление ошарашило гэбиста и он внимательно посмотрел на меня. О Кропоткине он вероятно слышал и потому переведя взгляд на старшего лейтенанта спросил.

– В чем тут дело?

Вместо него поспешил ответить я.

– Я только сегодня прибыл с фронта, был на приеме у верховного главнокомандующего, по прибытию домой переоделся, вышел во двор встретить сестру, где на меня было совершено вооруженное нападение. С этими словами я показал капитану свою фуражку с пробитым пулей околыше. Завязалась перестрелка меня спас мой ординарец пристрелив одного из нападавших, набежал патруль нас схватили и привели в участок, потому что при мне не оказалось документов. – Я предлагал подняться ко мне в квартиру, поскольку удостоверение осталось в парадном кителе, но меня мою сестру и моего ординарца не стали даже слушать арестовав и их, хотя при них документы удостоверяющие их личности как раз и были.

Капитан уничтожающе посмотрел на старшего лейтенанта. – Совершено было нападение на представителя высшего командного состава. – Почему об этом не было доложено?

– Но при товарище генерале не было документов, – попытался оправдаться милиционер. – Вам же было предложено, пройти с ним в квартиру и на месте разобраться, что к чему и вместо того, чтобы оцепить территорию прилегающую к месту нападения, для поиска возможных сообщников, вы хватаете генерала. Капитан прошел к столу и спешно стал набирать номер. Вскоре ему ответили.

– Товарищ полковник, закричал капитан в трубку, у 21

милицейского участка было совершено нападение на члена высшего командного состава. – Нет, нападавшие были убиты, генерал лейтенант Кропоткин не пострадал. – Есть слушаюсь! – Усилить наряды на прилегающих улицах, у дома где проживает генерал лейтенант Кропоткин выставить пост.

– Что, возглавить следственную группу. – Будет выполнено! Капитан еще раз строго посмотрел на старшего лейтенанта, потом на меня. – Товарищ генерал лейтенант, мы приносим вам свои извинения, вы можете идти домой вас проводят. – Вы старший лейтенант, сегодня же выставите круглосуточный пост, у места проживания семьи генерал лейтенанта Кропоткина.

– Но у нас не хватает людей, товарищ капитан, – попробовал возразить оперуполномоченный.

– Да хоть сам стой, все равно толку от тебя, как от розысника не какого.

– Да я недавно на этой работе, с тех пор как многие из наших на фронт ушли, меня из отдела кадров перевели, – попробовал оправдаться старший лейтенант.

– Оно и видно кадровик. – Выполняйте, распоряжение главного управления госбезопасности.

– Есть!

Мы вышли из кабинета, и застали такую картину. На деревянной скамейке сидела заплаканная Женька, а один из солдат патруля который привел нас в отделение без застенчиво рылся в бумажных пакетах продуктового набора, кото-

рый девушка получила по спец карточкам полагающимся семьям высшего командного состава. Я бросился к Женьке и стал успокаивать её. – Ну, что ты сестренка все в порядке, сейчас домой пойдем.

– Он меня, сукой назвал бандитской подстилкой, – Женька указала на молодого лейтенантика сидящего за столом и вскрывающего коробку конфет Птичье молоко. Я все таки дал волю кулакам. С разворота врезав со всей души в его оторопелую морду. Тот опрокинувшись вместе со стулом попробовал встать, но я поддал ему под дых носком сапога и тот дернувшись скрючившись стал пробовать глотнуть ртом воздух словно рыба выброшенная на берег. Женька схватила меня за руку.

– Виталик прекрати, ты убьешь его.

Я опустил ногу занесенную для следующего удара. И правда, чего это я. И вдруг понял, а нервы то не железные, накатило за все пережитое и как я это раньше сдерживался. Где мой ординарец? – спросил я у старлея.

– В комнате для задержанных, сейчас приведут, – ответил тот глядя на приподнявшегося лейтенанта.

Тот размазал кровь по лицу текущую из разбитого носа. И проговорил.

– Вам это с рук не сойдет. – Вы еще пожалеете! Я все таки не выдержал и врезал лейтенанту еще раз. Тот отлетел к стенке и сполз по ней затих.

– Зря вы так товарищ генерал, – зашептал мне на ухо стар-

ший лейтенант и кивнул в сторону лежащего без сознания офицера. – Он племянник второго секретаря горкома партии. – Тот его и пристроил в комендатуру, когда ему пришла повестка явиться в военкомат.

Все ясно, подумал я, – золотая молодежь, она существовала и в эти годы. Дети и родные работников номенклатуры, цветы жизни. Учились в спец школах, без конкурса поступали в высшие учебные заведения, пользовались всеми благами цивилизации и считали других людей за быдло, а как пришла пора послужить родине, прятались за бронь, или как этот пристраивались в тепленькое местечко подальше от фронта. Странно, что еще в патруль ходит. Обычно сидят они в штабах в адъютантах, у какой не будь большой шишки и выслуживают себе награды и звания протирая штаны на задницах. Конечно есть и исключения у некоторых людей даже сидящих в кремле, дети воюют и даже гибнут в боях проявляя мужество.

– Капитан! – обратился я к нквэдэшнику. – Проследите, чтобы этого лейтенанта, завтра же отправили на фронт, а будет дергаться и возмущаться направьте в штрафбат.

– По какой формулировке? – невозмутимо спросил тот не без брезгливости глянув на скулящего в углу лейтенанта.

– Оскорбление, и угрозы старшему по званию, впрочем не мне вас учить.

– Будет сделано, – капитан усмехнулся.

Я понял, что тот выполнит мой приказ с большим удо-

вольствием. Лейтенанта, мне было не жаль, надоело мне миндальничать с теми кто хоть как то пробовал меня унижить. У лейтенанта был еще шанс встать и извиниться перед Женькой, но он этого не сделал. Вместо этого, он повторил ошибку, когда капитан снял с него ремень с кобурой. Он проговорил.

– Дядя вам этого не простит... Договорить он не успел. – Капитан все так же с улыбкой врезал ему под дых.

Привели Михаила. Я повернулся к старшему лейтенанту.

– Верните нам наше личное оружие.

– Да, да сейчас старлей скрылся в своем кабинете.

– Бутылку верни, – это был голос моей осмелевшей сестренки.

Перепуганный происшедшим, солдатик расстегнул шинель и вытащил из-за пазухи бутылку красного вина.

Заметив мой удивленный взгляд пояснила.

– У Насти сегодня день рождение, думали отметить, вот и под задержалась зайдя в спец магазин.

Вот оно, что! А я то, думал, она для меня так вырядилась, промелькнула у меня в голове. Жаль, симпатичная девчонка выросла в моем вкусе. Надо придумать, что ей подарить. Сколько ей там стукнуло, неужто восемнадцать. Так думал я вылезая из машины на которой капитан любезно вызвался нас подвести.

Все таки я ошибся, Настя принарядилась ради меня. Это я понял сидя за столом, когда за именинницу поднимали оче-

редной бокал вина. По тому, как украдкой она бросала взгляды на меня, я же делал вид, что не замечаю этого. Решив в этот поздний вечер не напиваться, я пил только вино, тем более завтра после обеда мне надо было вылетать на Волховский фронт, так мы договорились с ком – фронта Мерецковым к обеду за мной должна была прибыть машина с тем самым капитаном, который встречал меня на аэродроме.

Веселье было в самом разгаре, как вдруг Женька встала шепнув, что то Насте и вышла из-за стола вернулась она с гитарой и протянула её мне.

– Виталий спой мою любимую, помнишь как тогда, перед войной, на моем день рождение.

Вот так новости, о том, что я умею играть на гитаре, а тем более петь я и не знал. Видел конечно этот инструмент, висевший на стене в комнате Женьки, но думал что это её. В зале стояло еще пианино. Как то раз, я даже сел за него, когда еще учился на курсах академии генштаба. И не чего пальцы сами, как только коснулись клавиш сыграли собачий вальс. Может и с гитарой точно также. Только вот смогу ли я, петь, помнится в том мире, когда я учился в школе. Моя мать отвела меня в музыкальный кружок, где меня пробовали научить играть на баяне. Бесплезная трата времени, очевидно, когда я родился рядом проходил косолапый и таки отдал мне ухо. Я взял гитару и посмотрел на улыбающуюся Настю, ожидавшую моего сольного концерта. Я стал делать вид, что настраиваю гитару, но что делать дальше, смогу ли

я сыграть и спеть, тем более я не знаю какую именно песню от меня хотят услышать.

Выручил меня звонок в дверь. Михаил, по моему кивку встал из-за стола, за который сел по моему приказу и пошел выяснять, кого принесла нелегкая в столь поздний час. И действительно принесла. В зал вошел Крапивин. Мой ординарец растеряно и виновато смотрел из-за его спины. Мол не виноват я он сам пришел.

– Гуляешь? Вместо приветствия толи спросил, то ли осудил меня Вячеслав Александрович.

– Выйдем поговорим. Я встал из-за стола и мы прошли в кабинет. Прикрыв дверь Крапивин схватил меня за плечо.

– Ты, что творишь? – Зачем избил и приказал, отправить на фронт лейтенанта Тройшина. – Ты знаешь кто его дядя?

– Сейчас не время бодаться с полит отделом. – Под тебя и так копают. – Ты думаешь зачем тебя назначили представителем ставки? – Знаешь сколько генералов пробовали снять блокаду Ленинграда и чем все это закончилось, о Власове я уже не говорю. – А генерал армии Мерецков почему еще держится? – Да потому, что осторожничают, он каждый свой шаг согласовывает с генеральным штабом и потому если случись, какой провал, неудача в боевых операциях, вина в этом не одного его, а общая. – Ты же так не можешь, сперва действуешь, а потом докладываешь о своих успехах. – Многим это не нравится.

– Не нравится, что? – спросил я уязвленный. – То, что

обхожусь малой кровью, или что справляюсь малыми силами там, где другой и с целой армией не справиться. Крапивин вздохнул.

– Я гляжу, не чего то ты не понял. – Поверь если бы ты не взял и не удержал бы плацдарм на Днестре, тебя бы сильно не осудили, ну может временно сняли бы с должности, потом вручили бы общевойсковую дивизию и воюй дальше. – Зато стало бы ясно, что ты такой как все, можешь проигрывать и ошибаться, такие как ты нужны были в начале войны, когда было трудно, сама судьба России висела на волоске.

– Теперь же, когда запахло воздухом победы, стало ясно, что враг истощен, герои с амбициями стали не нужны, они затмевают своей славой тех кто стоит у власти, а значит становится опасным. – Может теперь ты понял о чем я толкую. Крапивин посмотрел на меня с какой то непреодолимой тоской. Потом протянул мне листок бумаги.

Я машинально взял его и начал читать. Это был рапорт лейтенанта Тройшина, о том, что я находясь в нетрезвом виде пристрелил двух совершенно невинных граждан возвращавшихся с работы, когда меня попробовал задержать прибывший на место происшествия патруль я пользуясь своим званием при поддержке капитана Болотникова и своего ординарца сержанта Михеева избил и обезоружил патруль. Не о нападении на мою сестру Женьку, не о том, что так называемые невинные граждане были вооружены не было не слова. Зато рапорт был подписан, двумя рядовыми и одним стар-

шим лейтенантом милиции.

– Вы пришли меня арестовать? – без всякого волнения в голосе спросил я.

– Ну зачем же так радикально, – сказал Крапивин разрывая рапорт. – Будь ты простой офицер, вероятно так и произошло, а так их слова против ваших. – Но капитана Болотникова придется спрятать, впрочем для него это не впервой. – Подписан приказ о его задержании, но мы что не будь придумаем. Крапивин наконец то улыбнулся.

И разговор пошел о другом, точнее о моем назначении. Оказывается, чтобы замять дело, с лейтенантом Тройшеным. Вячеславу Александровичу пришлось связаться с самим Берией. У того хватало власти, чтобы уладить дело, вот Лаврентий и просил передать мне кое что на словах. Часть этого я уже услышан. Короче от меня ждали, хоть каких то результатов, пока я буду на Волховском фронте, и если их не будет, то.

– Я стану козлом отпущения, мне припишут, все те неудачи, которые были последнее время там, – закончил я.

– Все верно подтвердил мою догадку Крапивин.

– Причем в этот раз тебе никто помогать не будет. На Мерцкова особенно не надейся, наоборот опасайся при нем сболтнуть, что не будь лишнего. Может слышал его посадили перед войной, ну в общем воздействовали жёстко, вот он и сдал так называемых своих поделльников, тогда многих из его знакомых арестовали, и не все даже поняли за что.

– Ясно буду осторожен, – сказал я. – А сейчас пойдём выпьем, у одной прелестной барышни сегодня день рождения.

– Пошли, – согласился Крапивин.

Я все таки в ту ночь напился, и чуть не натворил, всяких глупостей, точней едва не раскрыл себя. Хотя подозреваю мои высказывания приняли бы за бред сумасшедшего, или точней, горького пьяницы которого посетила белочка.

Нет не надо было мешать вино с коньяком. Но Крапивин предпочитал именно коньяк и я, как старый друг не мог не поддержать его. Снова был тост за именинницу, потом за победу. Мне все таки подсунули гитару. Я попробовал и у меня получилось, руки то помнят аккорды. Петь оказывается я тоже умел. Правда спел не любимую песню Женьки, её я не знал, зато знал другую.

– Призрачно все в этом мире бушующем.

– Есть только миг за него и держись.

– Есть только миг между прошлым и будущем.

– Именно он называется жизнь.

– Хорошая песня, почему я её раньше не слышала, – сказала Женька, положив мне свою руку на плечо.

Напротив сидящая Настя казалось, о чем то задумалась, но вдруг улыбнувшись попросила. – Спойте еще, что не будь Виталий Викторович.

И я ей не мог отказать, тем более, что припомнилась еще

одна песня, которая когда то понравилась мне.

- Кавалергарды век не долог.
- И потому так сладок он.
- Труба трубит, откинут полог.
- И где то слышен сабель звон.
- Еще рокочет голос трубный.
- Но командир уже в седле.
- Не обещайте деве юной.
- Любви вечной на земле.
- Не обещайте деве юной.
- Любви вечной на земле.

– Грустная, немного песня, но мне понравилась, – сказала Настя, когда я закончил петь. Потом встала, и обойдя стол поцеловала меня, и всхлипнув убежала в свою комнату. Я передал гитару сестре. И тоже встал из – за стола в растерянности не зная, что делать. Но Настя вернулась и протянула мне цепочку с серебряным медальоном.

– Вот это вам, сказала она протянув мне его. – Потом посмотрите, когда останетесь одни. Опередела она меня, когда я попытался открыть его.

Снова вмешался Крапивин, что то, мы давно не пили, за здоровье именинницы. И мы снова выпили. Вытурили из – за стола, начавшего звать Сергея. Мне снова подсунули гитару, а я уже захмелел. И запел песню, которую пели у нас в

роте, когда я служил в Афганистане.

- Снова бой идет в горах.
- Пулеметы бьют с верхушки.
- Застилает дым вокруг
- Догорающей «вертушки».
- Наши парни залегли.
- Только все как на ладони.
- И стреляет тот душман.
- По истерзанной колонне
- Не поднять нам головы.
- Пули свищут вокруг рядом.
- Мой дружок лежит в крови.
- Смотрит вверх предсмертным взглядом.
- Так бы все там полегли в том бою у той верхушки
- Но возник 72 – й свой огонь ведя из пушки.
- И затих тот пулемет, как и все на той вершине.
- Не стреляют калашаи в низ по стоящей машине.
- Нам до дембеля дожить.
- Оставалось немного.
- И опять мы вновь в пути.
- Пропыленная дорога.
- К мирной жизни привыкать.
- Тяжело бывает братцы.
- Друга надо провожать.
- Не куда мне не деваться.

- Вспоминаются опять....
- Слезы матери старушки.
- И опять, опять – опять.
- Как стреляют с той верхушки.
- И как 72 – й не прерывно бьет из пушки.
- Как взрывается снаряд.
- Разрывая все к чертушки.
- Друга снова мутный взгляд.
- Не забудется уж точно.
- Просыпаешься в поту.
- А поспал совсем немного
- Снится, снится по ночам.
- Пропыленная дорога.
- Снова вновь передо мной.
- Те проклятые верхушки.
- Дым клубящийся вокруг.
- Догорающей вертушки.
- Матерей, что ждут ребят.
- Стоя молча у порога.
- Их надежды полный взгляд.
- Но, а на сердце тревога.

Я закончил петь, вокруг наступила тишина, которую нарушил, Крапивин.

– Ну, мне пора, завтра рано вставать – дел много, да и тебе Викторovich, насколько я помню нужно будет отправляться

к новому месту службы.

Я вышел его проводить. У порога мы с ним попрощались.

– Последняя песня хорошая, за душу берет, – сказал он.

– Только вот не понятно, что это за горящая «вертушка», и как можно стрелять из калашей, кто такой душман я понял, это фашисты. – Ман, в переводе с немецкого вроде значит человек, а значит душман – душитель людей.

Я согласно кивнул головой, про себя ругая себя, как в том фильме, говоря себе – надо меньше пить.

– «Вертушка», – это значит мельница, – нашелся я.

– А, – произнес Вячеслав Александрович. – Мельница! – как я сам не догадался, вот про 72 понял, это номер танка.

Я вновь соглашаясь кивнул головой, тут можно сказать Крапивин почти угадал. Я проводил его до машины. Дремавший водитель, поспешил открыть перед генералом дверцу. Машина тронулась, в свете фар я увидел отходящего с дороги патрульного милиционера. Значит пост у нас во дворе все таки выставили. Я вернулся в квартиру. Михаил убирал со стола. Из кухни слышался шум льющейся воды. Девчата мыли посуду и о чем то тихо переговаривались.

Я прошел себе в комнату и скинув сапоги, не раздеваясь завалился на кровать. Тут я кое о чем вспомнил и достал из кармана кулон. Открыл его. Внутри была, Настина фотография. Подобный кулон я видел у Ивана Бровкина. Чья фотография была в нем, нетрудно было догадаться. Вот чертовки, сговорились. Ну, не чего завтра я им устрою. Я вспомнил,

что так и не чего не подарил Насте на день рождение. Ну, вот заодно будет и подарок и сюрприз. В предвкушении от задуманного мной плана, я счастливый заснул.

Утром сделав разминку, я позвав Михаила попросил приготовить мне мой парадный мундир. Было уже десять часов, когда я после завтрака, попросил Настю пройтись со мной. Поводом, послужило то, что я собирался купить ей подарок, но она должна была его выбрать сама. Девушка немножко смущенная моим предложением согласилась. Они с Женькой не пошли на занятия собираясь проводить нас с Сергеем. Ведь мы уезжали на фронт. На было за собиравшимся пойти с нами Серегой я цыкнул, сказав, чтобы тот готовился к поездке и помогал в этом деле Мехееву. День, как не странно выдался теплым и солнечным не смотря на то, что приближалась середина осени. Поэтому я не стал даже думать о том, чтобы одеть шинель. Настя же обошлась тем, что сверху на довольно теплую кофточку накинула плащ, ну, а ноги одела вполне приличные туфельки, а о её сиреневом платье, я и говорить не хочу, в любой ресторан или на прием можно было спокойно идти. И где такое раздобыла, подозреваю, что подсуетился Телепин старший. Уточнив у постового милиционера, где ближайший ювелирный или антикварный магазин, и еще кое что уже шёпотом, я взял свою даму под ручку и мы пошли к нужному магазину. Он был неподалёку и шли мы разговаривая особенно не о чем, всего пару кварталов. Мне повезло этот магазин был нечто два в одном, в нем

продавались и ювелирные украшения и антиквариат. Пока я попросил, чтобы Настя выбрала, ювелирное украшение в качестве свадебного подарка для Евгении, тем самым отвлекая девушку. Сам занялся выполнением своего грандиозного плана. Пошептавшись тет а тет с продавцом. Мужчиной лет под шестидесяти с аккуратной клиновидной бородкой. Тот кивнул головой и подошел к девушке.

– Мадам, что не будь выбрала конкретное? – Ах вам нравится эта брошь, великолепный выбор. – Еще могу предложить вам этот перстень, посмотрите, как сверкает его камень. – Ну, не стесняйтесь, примерьте. – О да он вам великоват. – Ну, тогда вот это колечко, камешек в нем, как раз под свет ваших глаз. – Подошло! – Отлично.

В конце концов, я купил и брошь и колечко, которое так и осталось на руке у Насти.

– Теперь туда, я указал на большое красивое двухэтажное здание.

– Но ведь это же ЗАГС! – девушка остановившись удивлено посмотрела на меня.

– Вы, что то имеете против? – невинным голосом спросил я.

Тогда я её впервые поцеловал по настоящему. Времени было мало. И сразу после того, как мы покинули ЗАГС отправились домой. Уговорить нас расписать строгого вида делопроизводительницу ведущую актами записей о гражданском состоянии не составило труда. Её не сколько не удивил

наш приход, очевидно не мы были первые кого нужно было срочно расписать, особенно если дело касалось военных. Не каких разговоров о том, мол – приходите через месяц и если не передумали мы ваш брак оформим. На все ушло каких то двадцать минут. Ни тебе марша Мендельсона, ни хлопка вырвавшейся пробки из бутылки с шампанским. Все это будет, но потом. Почему я решился на этот шаг, а чем я хуже. Только представив себе, физиономию Афанасия Петровича Телепина, узнающего от меня эту новость, душа моя восторгалась. А чего, ведь это он так рьяно заступался за Бровкина, объясняя мне, что не чего плохого тут нет, дело молодое, ну подумаешь не поставили меня в известность зато все законно. Теперь пусть побывает в моей шкуре, все ведь по закону. Конечно, женился я не для того, чтобы досадить Афанасию Петровичу. Просто похоже я действительно влюбился, как только столкнулся в дверях с выбежавшей встречать меня Настей. До этого я воспринимал её, как обычную рыжеволосую девчонку, дочку моего боевого товарища, а теперь. Глядя на счастливое лицо девушки, я понимал какое сокровище досталось мне. А ведь у меня была тревога, что она мне вдруг возьмет и откажет. А вместо этого. Она просто ответила. – Я влюбилась в вас, как только первый, раз увидела такого молодого, уверенного в себе военного, вся грудь у которого в орденах.

– В орденах? – это меня немножечко уязвило.

– А, что здесь такого награды украшают мужчин, и при-

влекают женщин, – сказала улыбнувшись девушка.

Я представил себя в виде такого павлина распушившего хвост. И тоже улыбнулся.

– А потом увидела вас танцующего, с этой расфуфыренной девицей и в отместку пошла танцевать с Петей. – Жалко парня ведь он тогда признался мне в любви, а я не чего ему не ответила. – Я ведь вас тогда узнала, вы служили вместе с моим отцом в том приграничном городке. Мы детвора тогда бегали смотреть в вашу часть кино, да и вообще пропадали возле казарм, а вы нас не замечали. – Я как то раз даже забралась в ваш танк. – Было интересно, пахло бензином и еще, какой – то гарью. – Вы тогда еще, вытащили меня из танка, отругали, пообещав в следующий раз надрать мне задницу.

И тут я вспомнил тот случай перед войной, когда перед заступлением в наряд дежурным по роте, заглянул на старую конюшню заменяющем нам ангар, где стоял наш Б Т – 7. Люк в башне танка был открыт и в нем кто то был, причем посторонний. Поскольку остальные члены экипажа находились в казарме и тоже готовились заступить в наряд. Тогда то я увидел это рыжеволосое чудо в косичках с перепачканном смазкой лицом. Девчонка высунула его из башни и нечего умного ей не пришло в голову как спросить.

– Дядь, а как он заводиться?

Стоп, это разве мои воспоминания, похоже остались от прежнего Виталия, как и умение играть на гитаре решил я.

– Вы, тогда еще меня за ухо вытащили из танка, хотели

отвести к отцу, но тут появились эти в синих фуражках и вас арестовали. – Я тогда еще всю ночь плакала. – Ведь вы мне так нравились. Вот тогда и был наш первый настоящий поцелуй, перед ЗАГСом.

– Молодые люди не хотите ли запечатлеть столь замечательное событие.

На ступеньках стоял мужчина в шляпе в бежевом плаще в руках у него был фотоаппарат, так называемая лейка. Я внимательно посмотрел на него, кого то он мне напоминал. Мужчина это понял по своему, и потому поспешил сказать.

– Товарищ военный, вы не беспокойтесь у меня есть разрешение на фотоаппарат, я профессиональный фотограф, меня тут все знают. – Бунша Вениамин Николаевич, – представился он сняв шляпу. Так вот он кого мне напоминал, того самого Буншу из кинофильма « Иван Васильевич меняет профессию». Фамилия та же, только вот имя и отчество другие.

– Ну, что вы Вениамин Николаевич, очень даже желаем сфотографироваться, сказал улыбнувшись я. Он сделал несколько снимков, на фоне ЗАГСа, не работающего фонтана, все повторяя боже мой какая прекрасная пара. Когда я с ним расплачивался, он сказал.

– Фотографии будут готовы через два дня. – Ваша прелестная спутница, знает где моя фото-студия, она и еще одна красивая барышня не так давно были у меня, делали определенный заказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.